

ПЕРМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ЕЖЕГОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

~ 2026. Выпуск 9 ~

Редакционная коллегия:

КИЛИНА И.В. (главный редактор), к.ю.н., доцент, заместитель декана юридического факультета по научной работе, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

КУЗНЕЦОВА О.А., д.ю.н., профессор кафедры гражданского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Москва;

АРИСТОВ Е.В., д.ю.н., доцент, зав. кафедрой конституционного и административного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

АФАНАСЬЕВА С.И., к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

БОРОВЫХ Л.В., к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

ВАСИЛЬЕВА Ю.В., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

КРУГЛОВ Д.Н., канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

ШЕРШЕНЬ Т.В., к.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.

Редакционный совет:

ГОЛУБЦОВ В.Г. (председатель), д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

ГАБОВ А.В., д.ю.н., член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

ГОНГАЛО Б.М., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, г. Екатеринбург;

ВАВИЛИН Е.В., д.ю.н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, г. Москва;

ВАЛЕЕВ Д.Х., д.ю.н., профессор, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань.

Журнал выходит один раз в год (ежегодник)

Перепечатка материалов из журнала «Пермский юридический альманах» допускается только с согласия Издателя. Ссылка на источник опубликования обязательна. Издатель или Редакция не дают справок и консультаций и не вступают в переписку. Рукописи не возвращаются. Учредитель, Издатель не несут ответственности за содержание рекламы и объявлений.

Мнения, высказываемые в публикациях авторов, необязательно отражают официальную точку зрения организаций, которые они представляют.

ISSN 2618-8260

Рег. номер: серия ПИ № ФС 77-73155 от 22 июня 2018 г.
(зарегистрирован Роскомнадзором)

Учредитель:

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Редакция:

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел.: +7 (342) 2396-275;
e-mail: almanach59@mail.ru;
<http://almanack.psu.ru>

Издатель:

ООО «Издательство «Статут»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2
Тел.: +7 (495) 649-18-06; e-mail: market@estatut.ru
www.estatut.ru

PERM LEGAL ALMANAC

ANNUAL SCIENTIFIC JOURNAL

~ 2026. ISSUE 9 ~

Editorial Staff:

KILINA I.V. (Editor-in-Chief) – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for Research of the Law Faculty, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, Perm;

KUZNETSOVA O.A. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University; Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State National Research University, Moscow;

ARISTOV E.V. – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative law of the Law Faculty, Perm State National Research University, Perm;

AFANASYEVA S.I. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Perm State National Research University, Perm;

BOROVYKH L.V. – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Prosecutor's Supervision, Perm State National Research University, Perm;

VASILYEVA YU.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State National Research University, Perm;

KRUGLOV D.N. – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Theories and Histories of State and Law of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

SHERSHEN T.V. – Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Perm State National Research University, Perm.

Editorial Council:

GOLUBTSOV V.G. – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State National Research University, Perm;

GABOV A.V. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation;

GONGALO B.M. – Doctor of Juridical Sciences, Ural State Law University, Yekaterinburg (Russian Federation);

VAVILIN E.V. – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University;

VALEEV D.H. – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm; Deputy Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan.

The journal is published one time a year (annual)

Reprint and republication of all the materials of the Methodological Problems of the Civil Law Researches Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory. The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The opinions expressed in the publications refer to the authors and do not necessarily reflect the official view of the organizations they represent.

ISSN 2618-8260

Reg. No. FS77-73155 of 22 June 2018

Founder:

Perm State National Research University

Editors office:

614068, Russia, Perm, Bukireva str., 15.

Phone: +7 (342) 2396-275;

e-mail: almanach59@mail.ru;

<http://almanack.psu.ru>

Publisher:

LLC «Publishing House «Statut»».

119454, Moscow, Lobachevskogo str., 92, Bldg. 2.

Phone: +7 (495) 649-18-06;

e-mail: market@estatut.ru;

www.estatut.ru

УДК: 34.01

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ АСПЕКТ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРИНЦИП?

А.К. Антонян

Ассистент кафедры теории и истории государства и права.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет.*

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: armenantonyan2000@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется место принципа неприкосновенности собственности в правовой системе России. Выявляется связь принципа неприкосновенности собственности с принципом верховенства права. Отмечается слабая разработанность в литературе публично-правового значения и содержания принципа неприкосновенности собственности, гарантирующего естественное право собственности. Автор приходит к выводу о том, что принцип неприкосновенности собственности является межотраслевым принципом частного и публичного права, а также служит необходимой предпосылкой принципа верховенства права, а не элементом его содержания.

Ключевые слова: неприкосновенность собственности, верховенство права, приоритет личности, права человека, естественные права человека.

IS THE PRINCIPLE OF INVIOABILITY OF PROPERTY A FUNDAMENTAL ASPECT OF THE RULE OF LAW OR AN INDEPENDENT CROSS-SECTORAL PRINCIPLE?

A.K. Antonyan

Perm State National Research University.

15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.

E-mail: armenantonyan2000@gmail.com

Abstract. The article analyzes the place of the principle of inviolability of property in the legal system of Russia. The connection between the principle of inviolability of property and the principle of the rule of law is revealed. There is a weak elaboration in the literature of the public-legal significance and content of the principle of inviolability of property, which guarantees the natural right of ownership. The author comes to the conclusion that the principle of inviolability of property is an interdisciplinary principle of private and public law, and also serves as a necessary prerequisite for the rule of law, rather than an element of its content.

Keywords: inviolability of property, rule of law, priority of personality, human rights, natural human rights.

Определение места принципа неприкосновенности собственности в системе права Российской Федерации носит дискуссионный характер. Большинство ученых-цивилистов относят принцип неприкосновенности собственности к основным началам (принципам) гражданского права и законодательства¹. Вместе с тем в литературе встречаются и другие точки зрения. Так, А.С. Гайдук утверждает, что гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности в силу своей близости к фундаментальным общеправовым принципам, в том числе к началу справедливости, по своему значению выходит за рамки гражданского права и сближается с межотраслевыми принципами². Н.Л. Бондаренко относит принцип неприкосновенности

¹ См.: Щенникова Т.В. Принцип неприкосновенности собственности: проблемы понимания и практической реализации // Законодательство. 2018. № 5. С. 12; Кузнецова О.А. Обзор судебной практики «Применение судами принципа неприкосновенности собственности» // Арбитражное правосудие в России. 2007. № 5. Доступ из СПС «ГАРАНТ»; Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. I: Общая часть. С. 45–46.

² Гайдук А.С. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 9–10.

собственности к числу межотраслевых принципов права, поскольку он находит свое выражение в гражданском, семейном, трудовом и земельном праве как отраслях частного права¹. При этом Н.Л. Бондаренко также пишет о том, что следует согласиться с утверждением о том, что неприкосновенность собственности является общеправовым, конституционным принципом².

Е.Г. Комиссарова неприкосновенность собственности называет «субпринципом, являющимся заглавным для ограниченной группы гражданско-правовых норм»³. С этим утверждением не соглашается О.А. Кузнецова с указанием на то, что принцип неприкосновенности собственности пронизывает не только вещное право, но и все институты обязательственного права, наследственное право⁴.

Согласно ч. 3 ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения⁵. Верховный Суд РФ указывает, что указанный конституционный принцип неприкосновенности собственности реализуется в ряде норм гражданского и земельного законодательства, регулирующего вопрос изъятия земельных участков для публичных нужд⁶.

На фундаментальную правовую природу принципа неприкосновенности собственности указывает Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ). Так, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях от 10 ноября 2016 г. № 23-П и от 26 ноября 2020 г. № 48-П указал, что многочисленные положения Конституции Российской Федерации выражают один

¹ Бондаренко Н.Л. Место принципа неприкосновенности собственности в системе общеправовых и отраслевых принципов гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2017. № 2. С. 11.

² Бондаренко Н.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 1. С. 90.

³ Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень: Тюменский гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2001. С. 114.

⁴ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 76.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

⁶ См., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2024 г. № 305-ЭС24-6841 по делу № А40-6377/2023. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

из основополагающих аспектов верховенства права — общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих... Конституционный Суд РФ обращает особое внимание на недопустимость произвольного вмешательства государства в экономическую деятельность и в отношения собственности в силу принципа верховенства права (Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2022 г. № 59-П).

Кроме того, Конституционный Суд РФ, касаясь принципа неприкосновенности собственности, отмечал, что вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и не должно нарушать равновесие между интересами общества и необходимыми условиями защиты прав личности. Это предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы поддерживался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерным обременениям (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П и др.).

Указанные правовые позиции Конституционного Суда РФ являются свидетельством непосредственного действия в сфере вмешательства государства в отношения собственности принципа верховенства права, который по своей природе всегда рассматривался как инструмент ограничения широких дискреционных полномочий органов публичной власти. Так, в зарубежной литературе со времен фундаментального труда А.В. Дайси¹ и по сей день доктрина верховенства права рассматривается как необходимый правовой инструмент ограничения постоянно усиливающейся дискреционной власти государственных органов.

Для легального сдерживания исполнительной власти Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) выработан подход, согласно которому предоставление ей неограниченных дискреционных полномочий противоречит принципу верховенства права². Указанное свидетельствует о том, что принцип верховенства права может действовать как непосредственный правовой противовес неограниченной (произвольной) дискреционной власти административного органа, который

¹ Дайси А.В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой; под ред. П.Г. Виноградова. М., 1907. С. 150.

² См., например, п. 230 Постановления ЕСПЧ от 4 декабря 2015 г. по делу «Роман Захаров против Российской Федерации»; Постановление ЕСПЧ от 28 ноября 2002 г. по делу «Лавентис против Латвии»; п. 42 Постановления ЕСПЧ от 10 апреля 2018 г. по делу «Лю (Liu) против Российской Федерации»; Постановление ЕСПЧ от 17 сентября 2009 г. по делу «Энеа против Италии». Доступ из СПС «ГАРАНТ».

уполномочен на принятие решения о принудительном отчуждении имущества для государственных нужд.

В зарубежной и отечественной правовой литературе принцип неприкосновенности собственности сам по себе непосредственно не включается в содержание доктрины верховенства права. При этом одним из элементов принципа верховенства права рассматривается приоритет личности, ее субъективных прав¹. Представляется, что одно из центральных мест в системе субъективных прав личности современных демократических государств исторически занимает именно право собственности как естественное, неотъемлемое право человека.

В связи с чем видится, что Конституционный Суд РФ, признавая принцип неприкосновенности собственности в качестве элемента многогранного принципа верховенства права, исходил из естественно-правовой природы права собственности. На естественно-правовой (неотчуждаемый) характер конституционных прав указывает и Г.А. Гаджиев, который пишет о правовой реальности «протоправ» в правовой системе России².

В западном обществе со времен передовой для своего времени концепции естественных прав Джона Локка, включающей право собственности, завоеваний Великой французской революции 1789 г., провозгласившей священность и неприкосновенность собственности, сложилось стойкое уважение к имущественной самостоятельности и независимости индивида, характерное для современного капиталистического общества в целом.

В своем известном труде «Два трактата о правлении» Джон Локк выделяет право на жизнь, свободу и собственность как три основных прирожденных права личности, которые индивиды признают друг за другом в «естественном состоянии» и которые затем гарантируются самим государством. При этом, как отмечает Э.Ю. Соловьев, право на свободное распоряжение собственностью выступает как итоговое, результирующее, интегративное, а право на свободу и жизнь — как его предпосылка.

¹ См.: Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Курыева. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 190–205; Аллан Т. Свобода, Равенство, Законность // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. статей / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 396–401; Елистратов А.И. Очерк государственного права (конституционное право). М.: Тип. «Мысль», 1915. С. 25; Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Гаджиев Г.А. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 20–21.

В статье «Феномен Локка» он пишет: «На первом плане естественно-правовой концепции Локка стоит право собственности. Оно включает в себя право на жизнь и свободу и нередко фигурирует в тексте локковского трактата как наиболее общее обозначение политико-юридического статуса личности. «Великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства, — заявляет Локк, — является сохранение ими собственности»»¹.

Э.Ю. Соловьев также поясняет, что в собственности, по Локку, личность возвышается над самой собой как эмпирической индивидуальностью... Собственность священна, более священна, чем само существование ее эмпирического носителя. Объяснение этой парадоксальной максимы Локк видит в том, что собственность воплощает в себе труд, то есть целенаправленную, сознательную и планомерную деятельность субъекта посредством которой он сам себя впервые конституирует в качестве лица и признанного члена человеческого общества².

Таким образом, собственность, по Локку, выступает в качестве базового, неотъемлемого права личности, результата его свободного труда, что не только конструирует постулируемую частным правом имущественную самостоятельность и автономию воли индивида, но и позволяет ему иметь свободные убеждения, независимые от церкви и государства, что соответствует конституционно-правовым (публичным) нормам признания человека высшей ценностью по отношению к государству, гарантирует светский характер государства, свободу слова и мысли.

Представляется, что в сущности о том же пишут авторы комментария к Конституции РФ: «Неприкосновенность частной собственности подтверждает признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью». Основопологающий принцип развития и регулирования имущественных отношений в современной экономике заключается в обеспечении неприкосновенности, всемерной охране и признании права частной собственности»³.

В связи с этим необходимой представляется интерпретация малоисследованного публично-правового значения права собственности.

¹ См.: Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М.: Социум, 2020. С. 348; Соловьев Э.Ю. Феномен Локка // Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. С. 154–159.

² Соловьев Э.Ю. Указ. соч. С. 159–164.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т.Я. Хабриевой; Обращение к читателям В.В. Путина. М.: ИНФРА-М, 2021. 368 с. DOI 10.12737/1836403.

Цивилисты, говоря о принципе неприкосновенности собственности, часто просто отмечают, что данный принцип закреплён в конституционном тексте (ст. 35) в силу особой важности регулирования новой рыночной модели экономики. Однако этого мало, поскольку не раскрывается, а просто декларируется не менее значимый публичный элемент естественного права собственности, который присутствовал у Локка и заложен в «дух» действующей российской Конституции.

Представляется, что «публичный элемент» права собственности достаточно подробно и обоснованно раскрывается в труде С.С. Алексеева «Право собственности. Проблемы теории». Так, С.С. Алексеев, раскрывая сущность собственности, пишет: «Человек как мыслящее и творческое существо продолжает себя во внешнем мире, и тем самым для него открывается возможность сознательно (интеллектуально, творчески и, в конце концов, физически) осваивать его»¹. «Именно в собственности утверждается положение субъекта, обладающего неотъемлемыми правами, и раскрываются качества собственности, выраженные в категориях «свобода», «умственная принадлежность», «метафизическая природа личности»»².

О социальном (публично-правовом) аспекте права собственности пишет и Л.В. Щенникова: «...в праве собственности кроется и другая сторона — социальная, которая все отчетливее проявляется с развитием цивилизации... Социальная сторона или функция права собственности позволяет поставить использование богатства на службу обществу, соответственно, задача гражданско-правового регулирования — придать этому ключевому праву необходимое социально-гуманитарное значение. Социальная функция права собственности в какой-то степени придает ему статус публичной категории, отражаясь в конституционно-правовом регулировании»³. Более того, Л.В. Щенникова указывает на то, что законодательство должно провозглашать общественно-социальные цели для эффективной и полноценной реализации принципа неприкосновенности собственности⁴.

Л.В. Щенникова в своей статье приходит к выводу о том, что современная цивилистика видит в исследуемом институте значительную социальную энергию и социальную ответственность, которые должны

¹ Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2010. С. 17.

² Там же. С. 20.

³ Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 332.

⁴ Там же. С. 348.

быть заложены в механизмах гражданско-правового регулирования. Зарубежная гражданско-правовая литература акцентирует внимание на созидательных возможностях права собственности, его мотивационной роли, дающей импульсы для развития хозяйственной деятельности, а значит, развития общества и наращивания его богатства¹.

Таким образом, Л.В. Щенникова, как и С.С. Алексеев, отмечает важность познания социальной стороны собственности, а также значимость созидательной, мотивационной роли собственности для стабильного развития общества.

С.С. Алексеев вслед за Дж. Локком указывает на неразрывную связь собственности и труда. Автор пишет: «Нужно учитывать, что собственность в сфере производства неотделима от труда — физического и интеллектуального»². Для иллюстрации значимости собственности для правопорядка в целом С.С. Алексеев выделяет «социальную функцию собственности», которую он раскрывает через обладание субъектами права собственности всем объемом ее качеств независимо от устремлений власти, что создает твердую основу для стабильности в экономической, социальной и политической областях; содержит твердые предпосылки для утверждения в обществе строгих и незыблемых правовых ценностей и идеалов, т.е. развитой правовой системы с независимым и всесильным судом, а также дает импульсы развитию в обществе демократического, политического режима³.

Л.В. Щенникова также указывает, что современная зарубежная цивилистическая наука активно занимается сегодня определением роли права собственности в формировании фундаментальных основ современного общества⁴. Все вышеуказанные признаки: стабильность основных социальных институтов, независимый суд, демократический режим выделяются разными авторами в числе императивов принципа верховенства права⁵. В свою очередь свободное право собственности

¹ Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 339.

² Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2010. С. 54.

³ См. там же. С. 56–57.

⁴ Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 349.

⁵ См.: Allan T.R.S. The Sovereignty of Law: Freedom, Constitution and Common Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 88–111; Bingham T. The Rule of Law. London: Lane, 2010. P. 105–115; Bradley A.W., Ewing K.D. Constitutional and Administrative Law. Harlow: Pearson Education, 2007. P. 99–103; Раз Д. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер.

само по себе является не элементом, а скорее необходимой предпосылкой для становления и развития в том или ином демократическом обществе принципа верховенства права.

С.С. Алексеев в публикации «У истоков Конституции России: субъективные заметки» писал, что особо печальным и в чем-то странным следует признать исчезновение из окончательного текста Конституции положения о том, что частная собственность является естественным правом человека¹. Думается, что прямое конституционное закрепление естественной природы права собственности способствовало бы его более эффективной защите, в том числе в спорах граждан и организаций с государством.

Таким образом, рассматриваемая правовая позиция Конституционного Суда РФ имеет под собой философские и правовые основания, представляется не случайной, соответствует историко-правовому развитию института частной собственности в западном (капиталистическом) обществе и верно подмечает его взаимосвязь с принципом верховенства права. Однако определенное возражение вызывает указание Конституционным Судом РФ на принцип неприкосновенности частной собственности как аспект верховенства права. Таковой следует относить, как указано выше, к предпосылке для формирования правопорядка, основанного на принципе верховенства права.

В то же время данный вывод не противоречит и одновременной квалификации принципа неприкосновенности частной собственности в качестве самостоятельного принципа гражданского права или межотраслевого принципа, характерного для самостоятельных отраслей частного права (права гражданского, семейного и трудового, в последнем оно проявляется с помощью таких категорий, как «свобода труда», право каждого распоряжаться своими способностями к труду). Однако наиболее близким к истине с учетом конституционной природы принципа неприкосновенности собственности и его связи с общеправовым принципом верховенства права представляется его межотраслевой характер, что предполагает действие рассматриваемого принципа в отраслях частного и публичного права.

В связи с этим неверно определять природу принципа неприкосновенности собственности исключительно как принципа подотрасли вещного права или только гражданского права. Такая квалификация

с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 365.

¹ Алексеев С.С. У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 25.

лишает данный принцип имплицитно присущих ему социально значимых характеристик. Определять принцип неприкосновенности частной собственности как конституционный только по той причине, что он закреплен в Конституции, также неверно, поскольку Конституция, закрепляя основы экономической системы государства, не предопределяет правовую природу всех поименованных в ней принципов права. Последняя должна определяться обоснованным образом научным сообществом исходя из места принципа права в объективно сложившейся системе права России.

Таким образом, исключительно гражданско-правовое содержание принципа неприкосновенности собственности не позволяет уловить всех граней его значимого, социального (публично-правового) содержания. Именно такую публично-правовую грань рассматриваемого принципа в своих решениях подтверждают Конституционный Суд РФ, а также труды философов Дж. Локка, Э.Ю. Соловьева и правоведов С.С. Алексеева и Л.В. Щенниковой.

Библиографический список

Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. М.: Норма, 2010. 240 с.

Алексеев С.С. У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. 42 с.

Аллан Т. Свобода, Равенство, Законность // Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ: Юстицинформ, 2013. С. 396–419.

Бондаренко Н.Л. Место принципа неприкосновенности собственности в системе общеправовых и отраслевых принципов гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2017. № 2. С. 6–19.

Бондаренко Н.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 1. С. 89–94.

Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6. С. 146–171.

Гаджиев Г.А. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95). С. 12–25.

Гайдук А.С. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 28 с.

Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. Т. I: Общая часть. 576 с.

Дайси А.В. Основы государственного права Англии: введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой; под ред. П.Г. Виноградова. М., 1907. 370 с.

Елистратов А.И. Очерк государственного права (конституционное право). М.: Тип. «Мысль», 1915. 166 с.

Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень: Тюменский гос. ин-т мировой экономики, управления и права, 2001. С. 128.

Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / под ред. Т.Я. Хабриевой; Обращение к читателям В.В. Путина. М.: ИНФРА-М, 2021. 368 с. DOI 10.12737/1836403.

Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 267 с.

Кузнецова О.А. Обзор судебной практики «Применение судами принципа неприкосновенности собственности» // Арбитражное правосудие в России. 2007. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М.: Социум, 2020. 496 с.

Раз Д. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 550 с.

Соловьев Э.Ю. Феномен Локка // Прошлое толкует нас: очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. С. 144–166.

Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2007. 305 с.

Щенникова Л.В. Система оснований прекращения (лишения) права собственности как необходимое условие эффективной реализации принципа неприкосновенности собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 2. С. 329–351.

Щенникова Л.В. Принцип неприкосновенности собственности: проблемы понимания и практической реализации // Законодательство. 2018. № 5. С. 12–16.

Allan T.R.S. The Sovereignty of Law: Freedom, Constitution and Common Law. Oxford: Oxford University Press, 2013. 361 p.

Bingham T. The Rule of Law. London: Lane, 2010. 213 p.

Bradley A.W., Ewing K.D. Constitutional and Administrative Law. Harlow: Pearson Education, 2007. 922 p.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КОМПЕТЕНЦИОННЫХ ПРЕДПИСАНИЙ, АДРЕСОВАННЫХ СУДЕБНЫМ ОРГАНАМ

Е.В. Трапезникова

*Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права.*

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет.*

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Аннотация. В статье на примерах судебной практики показано, как судебные органы путем самовластного толкования права изменяют содержание адресованных им нормативных правовых предписаний, что влечет произвольное правоприменение, ограничение прав граждан и организаций, невыполнение государственных задач и функций. Это проявляется, например, в отказе от исследования заявленных сторонами доказательств со ссылкой на право на оценку доказательств по внутреннему убеждению; толковании обязанностей в качестве субъективных прав, используемых по усмотрению; утверждении о пробеле в праве относительно обстоятельств, освобождающих суд от исполнения обязанностей; преобразовании содержания одних объективированных в законе нормативных предписаний в иные, прямо законом не предусмотренные; непоследовательности принятия решений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания или освобождении от уголовной ответственности в уголовном процессе.

Ключевые слова: правовая неопределенность, компетенционные предписания, компетенция суда, судебное толкование права, толкование *contra legem*.

UNCERTAINTY OF COMPETENCE PRESCRIPTIONS, ADDRESSED TO JUDICIAL BODIES

E.V. Trapeznikova

Perm State University.

15, Bukireva str., Perm, 614068, Russia.

E-mail: elena.valerevna.t@gmail.com

Abstract. The article uses examples from judicial practice to show how judicial bodies, through their arbitrary interpretation of the law, change the content of legal prescriptions addressed to them, which leads to arbitrary law enforcement, restrictions on the rights of citizens and organizations, and failure to fulfill state tasks and functions. This manifests itself, for example, in the refusal to examine the evidence presented by the parties, with reference to the right to evaluate evidence on the basis of one's own conviction; in the interpretation of obligations as subjective rights that can be exercised at the discretion of the court; in the assertion of a gap in the law regarding the circumstances that exempt the court from fulfilling its obligations; in the transformation of the content of certain legal norms into others that are not explicitly provided for by law; and in the inconsistency of decisions regarding conditional release from punishment, the substitution of a more lenient form of punishment for the unserved portion of the sentence, or the release from criminal liability in a criminal proceeding.

Keywords: legal uncertainty, competence prescriptions, court competence, judicial interpretation of law, interpretation *contra legem*.

В зависимости от собственных, порой ошибочных, представлений должностные лица государственных органов способны в одних случаях интерпретировать свои неконкретизированные полномочия как субъективные права, а в других — как юридические обязанности. Давно выявлена суть бюрократизации, заключающаяся в том, что жизненные принципы формируются с целью приспособления к деятельности чиновника, собственные интересы его подменяют цель, для которой он создан¹. Вследствие этого возможно превышение публичным субъектом своих полномочий или пассивное поведение при обязанности действовать. Нарушение компетенционной нормы — всегда деяние конкретного субъекта, выражающееся в действии или бездействии.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 89.

В науке есть мнение, что судья или иной правоприменитель априори имеет ограниченное право выбора, которое по своей сути является формальным, поскольку лицо или орган, применяющий право, не является полностью свободным ни в выборе средств аргументации, ни в выборе приемов интерпретации¹. Мы поддерживаем указанный подход, однако на практике, несмотря на ограниченное число способов толкования, разработанных в науке, судьи, следуя им, могут приходить к абсолютно противоположным выводам. Соответственно, говорить о такой сдерживающей «несвободе» не совсем оправданно.

Установление процессуальных норм минимизирует возможности субъективистских отклонений от заданных целей деятельности и способствует повышению эффективности управления в целом². Но когда суды толкуют предписания, адресованные им, и становятся «судьями в собственном деле», обнаруживается отход ими от правил судебного толкования компетенционных предписаний, адресованных иным публичным лицам.

Возникает новый ракурс неопределенности компетенционных предписаний, даже противное букве закона их толкование и порождение прав суда, в законе не указанных, или самоосвобождение от обязанностей, прямо предписанных законом.

1. Суды право на оценку доказательств по внутреннему убеждению (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ) толкуют как право не исследовать определенные доказательства, о которых заявляют стороны.

Суд кассационной инстанции, обосновывая законность решения суда первой инстанции, указал: «по смыслу статьи 88 АПК РФ вызов лица в качестве свидетеля является правом, а не обязанностью суда. Суд первой инстанции, в данном случае, посчитал возможным рассмотреть дело на основе имеющихся доказательств»³. При этом нет доводов о том, что показания свидетелей не отвечают требованию относимости доказательств.

Пункт 1 ст. 88 АПК РФ: «по ходатайству лица, участвующего в деле, арбитражный суд *вызывает* свидетеля для участия в арбитражном процессе». В юридической доктрине поясняется, что использование глаголов настоящего времени в действительном залоге направлено на краткость формулировок нормы права и не фиксирует то, что проис-

¹ Корнев В. Н. Правотворчество, правоприменение и содержание права // Научные ведомости. 2008. № 8 (48). С. 37.

² Егоров К. И. Правоприменение как разновидность юридического процесса // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 66–69.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 февраля 2023 г. по делу № А40-28893/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ходит в действительности, а обязывает субъектов права к совершению определенных действий¹, следовательно, данной формой глаголов устанавливают обязанности, а не права адресатов предписания. Несмотря на легальную обязанность суда оказать содействие сторонам в собирании и истребовании доказательств, если сторонам их предоставить самостоятельно затруднительно (абз. 2 п. 1 ст. 57 ГПК РФ, абз. 3 п. 4 ст. 66 АПК РФ), а также фактически признав недостаток в работе судов нижестоящей инстанции, суд включил в текст судебного акта клише «обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены судами первой и апелляционной инстанций на основании полного, всестороннего и объективного исследования имеющихся в деле доказательств с учетом всех доводов и возражений участвующих в деле лиц, а окончательные выводы судов соответствуют фактическим обстоятельствам и представленным доказательствам, основаны на правильном применении норм материального и процессуального права». В кассационном постановлении не указаны пути постижения «смысла» предписания, отличного от общеупотребимых правил толкования.

В некоторых случаях подобное сужение судами объема процессуальной обязанности исправлялось вышестоящими судебными инстанциями².

Обнаружены иные примеры отклонения обязанности судов по исследованию доказательств в судебном процессе: право суда произвольно отказывать в удовлетворении ходатайств заявителя об истребовании и проверке доказательств действительности хозяйственных операций³, отказывать в приобщении письменного доказательства⁴ и в назначении экспертизы⁵.

В судебных актах выявлена позиция об отсутствии обязанности суда давать оценку всем доказательствам или доводам сторон со ссылкой на Верховный Суд РФ: «Доводы заявителя жалобы о том, что судом не была дана оценка всем доводам Общества, отклоняются судебной

¹ См.: *Ивакина Н.Н.* Профессиональная речь юриста. М.: БЕК, 1997. С. 54–55; Справочник по нормотворческой технике: пер. с нем. 2-е изд., перераб. М.: БЕК, 2002. С. 32.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 8-КГ23-8-К2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 4.

³ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019. Документ опубликован не был; от 6 марта 2023 г. по делу № А40-29405/2022. Документ опубликован не был; от 8 июня 2023 г. по делу № А41-51523/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 мая 2020 г. по делу № А40-167841/2019. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 27 марта 2023 г. по делу № А41-78569/2021. Документ опубликован не был; от 7 апреля 2023 г. по делу № А40-91502/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

коллегией, поскольку нормы статей 170 и 271 АПК РФ не предъявляют конкретных требований к фактической полноте судебных актов. Указание арбитражными судами только выводов, в том числе по итогам непосредственной оценки документов, содержание которых исключает согласие суда с доводами участвующего в деле лица, не является нарушением указанных норм процессуального права.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2017 г. № 305-КГ17-13553 указано, что неотражение в судебных актах всех имеющихся в деле доказательств и доводов Заявителя не свидетельствует об отсутствии их надлежащей судебной проверки и оценки. Данная позиция подтверждается сложившейся судебной практикой, в том числе определениями Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2016 г. № 302-КГ16-16864, от 27 марта 2017 г. № 304-КГ17-1427, от 29 ноября 2016 г. № 304-КГ16-15626»¹.

2. Отдельные процессуальные действия суды рассматривают как свои права (возможности, которые используют по своему усмотрению), а не обязанности. Иногда вышестоящие судебные инстанции отменяют судебные акты, толкуя процессуальные возможности в качестве обязательных для совершения действий.

К примеру, судебные инстанции в мотивировочной части выходили за предмет доказывания и давали правовую оценку обстоятельств за пределами исковых требований. Верховный Суд РФ отметил, что суд не вправе самостоятельно изменять предмет или основание иска, а должен принять решение только по заявленным требованиям и может выйти за их пределы лишь в тех случаях, когда это предусмотрено действующим законодательством².

Законом предусмотрено: «третьи лица могут быть привлечены к участию в деле... по инициативе суда» (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ). Несмотря на управомочивающее для суда предписание, привлечение к участию в деле третьих лиц, права и обязанности которых могут быть затронуты вынесенным решением, является его процессуальной обязанностью. Судебные акты, затрагивающие права и обязанности лиц, не привлеченных к процессу, подлежат отмене как принятые в нарушение норм процессуального права³.

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 марта 2023 г. по делу № А40-98693/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 16-КГ18-44. Документ опубликован не был; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 сентября 2022 г. по делу № А45-18234/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционные определения Московского городского суда от 10 июня 2019 г. по делу № 33а-4042. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант-